

Сергей ТИМОНЬКИН: «ВОТ ТАКАЯ МОЯ БИОГРАФИЯ...»

СЕРГЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧ ТИМОНЬКИН – ПОЧЕТНЫЙ ЖИТЕЛЬ ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО И АЛЕУТСКОГО РАЙОНА КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ. 25 СЕНТЯБРЯ ЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 92 ГОДА. В СТОЛЬ ПОЧТЕННОМ ВОЗРАСТЕ ОН ОСТАЕТСЯ АКТИВНЫМ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ВМЕСТЕ С СОТРУДНИКАМИ ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И ДЕПУТАТАМИ ОН НЕДАВНО ЛЕТАЛ НА ОСТРОВ БЕРИНГА, ГДЕ ПОЗДРАВЛЯЛ СВОИХ ЗЕМЛЯКОВ, ОСТРОВИТАН С ИХ ТРОЙНЫМ ЮБИЛЕЕМ – 325-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАПИТАНА-КОМАНДОРА ВИТУСА БЕРИНГА, 265-ЛЕТИЕМ ОТКРЫТИЯ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ И 180-ЛЕТИЕМ ЗАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА БЕРИНГА.

— Перед этим я был на острове Беринга 15 лет назад, — говорит Сергей Венедиктович. — Бросилось в глаза много хороших перемен. Тогда поселок был сильно разрушен, была переморожена система отопления, а сейчас там новый глава Алеутского района Евстифеев более-менее порядок навел. Правда, не хватило труб, поэтому некоторые дома стоят еще не отремонтированные, но люди из них переселены в другие дома. Общее впечатление хорошее. Мне все понравилось, я даже ощутил на себе, что люди уважительно ко мне относятся.

Городская Петропавловская администрация поручила мне поздравить островитян и вручить им памятный адрес. Я зачитал поздравление, хотя и плохое зрение у меня. Алеуты мне очки подобрали под мои глаза. Микрофон держал Александр Алексеевич Евстифеев, помог мне. Были мы в музее, вот уж где красиво, здорово! Даже моя фотография там висит.

Я с малых лет жил на острове Медном, в Преображенском. Родился я в Петропавловске, но мать сразу же меня туда увезла, там мои детство и юность прошли. Поэтому родиной считаю Преображенское. Память у меня хорошая, все помню. На моих глазах преобразовалась в Преображенском жизнь алеутов. Я горжусь тем, что отношусь к этому народу, мать у меня алеутка. Она и умерла в Преображенском, там похоронена. Мы, мальчишки, охотой все время занимались, ходили на лежбище, убивали котиков, шкурки снимали, продавали. Песцов добывали в бухте Жировой. Вообще,

остров Медный — экзотический, там такие громадные скалы! Птичьи базары! Из поселка не надо далеко уходить, чтобы начинать добывать зверя или рыбу. Богатый остров! Все время думаю: почему люди бросили такой богатый остров. Конечно, не очень удобный там берег, разгружали всегда с проблемами, но... Вот и свезли всех алеутов в одно место, в Никольское. Душа по родине всегда болит.

Уехал я оттуда в 1930 году. Окончил в Петропавловске советско-партийную школу. Это рыбный порт, где памятник курильцам стоит, и детский садик — вот здесь была та школа. В 1932 году меня призвали в армию, служил я на по-

граничном корабле «Воровский». Командиром у нас был Антонов. Комиссар с «Воровского» выступил в Петропавловском горкоме комсомола и так здорово рассказал о службе на нем, что мы с другом Никанором Будаковым, он с острова Беринга, еще с вечера заняли первыми очередь на прием к нему. После нас огромная очередь образовалась, но мы стояли первыми, надо было взять только двоих, и взяли нас. Вот такая была удача!

После службы мне сообщили, что есть место в Ленинграде в Институте народов Севера. Я поехал

туда, но по здоровью не прошел, о чем до сих пор смеюсь: живу 92 года, все моря-океаны прошел, а в педагогический институт по здоровью не приняли. Возвращаясь назад, восемь месяцев отучился во Владивостоке на смотрителя маяка. И в 1938 году меня забросили на Чукотку, на маяк мыса Чаплина. Там коса выходит в море клином. Два с половиной года я там работал. Уехал по окончании договора. Работал во Владивостоке в пароходстве старшим экспедитором, отправлял грузы на Север. В Никольске-Уссурийском у меня семья была, поехал к ним и в пути узнал, что война началась. Вернул-

ся во Владивосток, пошел сразу в военкомат записываться добровольцем. Военком несколько раз меня прогонял: надо будет, сами вызовем. На четвертый раз пошел, он говорит: отправили тебе повестку, жди. Прихожу домой — повестка. Я срочную служил у пограничников, поэтому меня в море взяли, и ходили мы там, во Владивостоке до Совгавани, это совсем не то было, о чем я мечтал, хотел. Ожидали, что японцы могут напасть, поэтому нас держали там. Но вскоре начали формировать бригаду на фронт. На станции Угловая нас сформировали и отправили в Сталинград. В пути нашу бригаду разделили на две части — половину моряков направили под Москву, остальных, как и планировалось, в Сталинград. Я попал в Сталинград, потому что был в третьем вагоне, а делили по вагонам, задних отцепили половину — и в Москву. А мы — в Сталинград. Нас готовили в 13-ю лыжную бригаду, но так получилось, что нужны были танкисты, и я в танковый корпус попал. Был командиром отделения на танке. А в основном разведчиком был, языков таскал. Прошел Бессарабию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Югославию, Чехословакию. Войну закончил в Австрии, брал Вену. Нам запретили артиллерией стрелять — город очень красивый, пришлось только на автоматах немца выбивать. Дом за домом — взяли.

После войны вернулся старшим сержантом во Владивосток. И сразу сел за

парту. Я еще в молодости мечтал быть моряком, водить океанские суда, поэтому сразу поступил в высшее мореходное училище. Пошел плавать, дошел до старшего помощника. Плавал на ледоколах «Северный полюс» и «Адмирал Макаров».

В 1953 году я написал заявление о переводе на Камчатку. Мне разрешили поменяться с одним товарищем. Тогда было Камчатско-Чукотское пароходство. Работал на «Тургеневе», а капитаном меня назначили на спасатель «Изыльметьев». Это был 1960 год. Потом меня послали не перегон лесовоза «Камчатлес». В Финляндию я ходил, правда, старшим помощником, капитаном был Степан Степанович Чумак. Перегнали «Камчатлес» сюда, Чумак пошел в отпуск, а я принял паролход. И работал на нем долго, ходил во Владивосток, на Сахалин, в Японию и Китай. Потом мой старший помощник поднял рыболовную сеть, буфетчица написала в КГБ, и всех нас сняли. Я несколько лет работал капитаном порта в Усть-Камчатске, а затем пришел пароход «Лена-лес» из Финляндии, и меня — на него. Затем был капитаном порта в Петропавловске-Камчатском, после чего ушел на пенсию. Вот такая моя биография.

Записал Александр СМЫШЛЯЕВ.

